

Отметим небрежность, допущенную автором при анализе цифрового материала. Он пишет: «...большинство ороческих семей по своему составу колеблется от одного до девяти человек» (стр. 157). Что же все-таки представляет собою «большинство» семей? Из приводимых на стр. 157 цифровых данных явствует, что автор рассматривает 94 ороческих семьи плюс 12 семей одиночек. И далее говорится: «73 семьи состоят из представителей двух поколений, т. е. родителей и их детей, и 33 семьи — из трех поколений». А эти 12 семей «одинок»? Они ведь тоже в числе 106 семей; что же автор включил их в семьи из двух или трех поколений?

Хотелось бы видеть более глубокую оценку такого все еще распространенного явления, как левират; определение: «левират — это позорное явление прошлого» (стр. 159) — не удовлетворяет.

В разделе «Развитие культуры» подробно говорится об Усуйкинской восьмилетней школе, о создании национальной интеллигенции — учителей этой школы, врачей и др. К сожалению, автор не рассказывает здесь о состоянии современного традиционного прикладного искусства, фольклора, о развитии художественной самодеятельности, о духовном облике современной ороческой молодежи.

В «Заключении» автор говорит о грандиозных переменах, происшедших в жизни орочей за годы советской власти. Даже самые малочисленные народы в Советской стране, благодаря осуществлению ленинской национальной политики, получают все возможности для всестороннего развития.

В целом, выход работы «Орочи» — весьма отрадное явление. Несмотря на отдельные недостатки, книга, несомненно, дает представление о жизни орочей в прошлом и настоящем.

А. Смоляк

А. И. Уланов. *Бурятский героический эпос*. Улан-Удэ, 1963, 320 стр.

Работа А. И. Уланова — серьезное исследование бурятского героического эпоса, основанное на большом фактическом материале и содержащее немало интересных наблюдений, замечаний и выводов. Хочется прежде всего отметить правильную в методологическом отношении постановку вопросов об эпосе. Подходя к эпосу исторически, исследователь видит в нем различные напластования, которые характеризуют его развитие на разных этапах истории.

Отвечая на вопрос, какие конкретно-исторические условия породили у бурят обилие улигеров, Уланов справедливо обращается к истории древних жителей Прибайкалья и Центральной Азии — хуннов, тюрков, курыканов, киданей, монголов и других. Взаимное влияние культур народов Сибири и Центральной Азии чувствуется, по его мнению, в древнейшем ядре эпоса бурят, калмыков, монголов, алтайцев, хакасов и якутов. В эпосе всех этих народов много общего — в мифах о тэнгрях (небожителях), в характере отражения охотничьего и скотоводческого образа жизни, в поэтике и т. д. Но много, конечно, и различий, так как каждый народ прошел свой неповторимый путь развития.

Рассмотрению исторических предпосылок возникновения у бурят эпоса посвящена первая глава. В последующих трех главах убедительно показано отражение в эпосе различных элементов культуры: орудий труда, вооружения и др., а также представлений и взглядов — религиозных и нерелигиозных.

Однако рецензируемое исследование, несомненно ценное и нужное, содержит некоторые положения, с которыми нельзя согласиться. Так, показывая отражение общественного строя в бурятских улигерах, Уланов пытается выделить особенности, характерные для матриархата и патриархата и периода борьбы между этими двумя этапами родового общества, когда, по его мнению, возник бурятский героический эпос. Автор считает, что эпос у бурят возник при разложении матриархата и переходе к патриархату, в доскотоводческий период, который надо отнести к I — началу II тысячелетия н. э. (стр. 3, 15, 139). На наш взгляд, данное утверждение не соответствует действительности. Советские ученые (А. П. Окладников, С. В. Киселев, Г. П. Сосновский и др.) давно установили, что в Южной Сибири и в Прибайкалье, задолго до нашей эры сложилась довольно высокая культура. «Племена Прибайкалья — пишет А. П. Окладников, — во втором тысячелетии до н. э. или, во всяком случае, во второй половине этого тысячелетия уже достаточно далеко ушли от древних матриархально-родовых отношений и от первобытного равенства сородичей. У них возникли новые отношения, основанные на неравенстве: старая парная семья сменилась патриархальной, материнское право — отцовским»¹.

¹ А. П. Окладников, *Неолит и бронзовый век Прибайкалья*, ч. 3, М.—Л., 1955, стр. 261.

Известно, что начиная с III в. до н. э. Прибайкалье входило в состав различных раннегосударственных объединений — хуннов, древних тюрков, уйгуров, киданей и других, общественные отношения которых характеризуются отнюдь не матриархатом и начальным этапом патриархального родового строя².

Таким образом, утверждение Уланова о том, что в I — начале II тысячелетия н. э. в Прибайкалье господствовал матриархат, начинался только переход к патриархату, что население края в указанный период стояло на уровне первобытных охотников и рыболовов, — не согласуется с установившимся в исторической науке положением, которое с каждым годом находит еще более яркие подтверждения.

Рассмотрим другую сторону концепции Уланова о происхождении эпоса в эпоху матриархата и перехода к патриархату. Выдвигая свой тезис, исследователь основывается, в частности, на том, что в бурятских улигерах находят некоторое отражение черты, характерные для патриархата. Все, что в эпосе касается скотоводства, земледелия, предметов материальной культуры железного века, автор считает напластованием последующих времен.

Автор архаизирует содержание эпического искусства бурят, забывая, что многие явления первобытности сохраняются очень долго, вплоть до наших дней, и это находит отражение в устном народном творчестве, в частности в улигерах бурят. Подобную же картину мы видим у якутов, тувинцев и других народов. Не случайно поэтому, рецензируя труд Л. В. Гребнева о тувинском эпосе, С. И. Вайнштейн совершенно правильно замечает, что такие явления, как родовая экзогамия и тем более патрилокальность брака сохранились в Туве до сравнительно недавнего времени, что связанная с борьбой за невесту дальняя поездка к ней могла лечь в основу эпических произведений и в условиях патриархально-феодалных отношений³.

Эпическое творчество саяно-алтайских народов, якутов и бурят чрезвычайно богато по сравнению с эпическим творчеством тунгусских, палеоазиатских и угро-самоэских народов. У последних — только зачатки героического эпоса⁴. Совершенно очевидно, что развитый эпос имеет место лишь у тех народов, которые стоят на более или менее высокой ступени общественного развития. «Наличие эпоса есть признак сравнительно более высокой ступени общественно-экономического и культурного развития, хотя и примитивного, по сравнению с позднейшими эпохами — рабовладельческой и феодальной», пишет В. Я. Пропп⁵, и с ним нельзя не согласиться. Если же принять концепцию Уланова, то у остальных в прошлом народов, стоявших на уровне родового строя, точнее — на уровне матриархата и перехода к патриархату, — было вполне развитое эпическое искусство.

Мы считаем, что правы Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп и другие, связывающие возникновение эпоса с эпохой разложения родового общества, с процессом этнической консолидации народов. В Южной Сибири, как уже говорилось, еще до нашей эры начался распад первобытнообщинного строя; к этому периоду относится и начало этнической консолидации местных племен и народов. Весь этот сложный процесс, вследствие своеобразия исторического развития, затянулся здесь чрезвычайно долго; завершился он, по нашему мнению, во второй половине II тысячелетия н. э.; например, буряты, тувинцы и алтайцы, как считают некоторые ученые, сложились в народности не раньше XV—XVI вв.

Таким образом, период возникновения и развития эпоса у бурят (по-видимому, и у ряда других южносибирских народов) чрезвычайно длителен. Для решения вопроса о происхождении бурятского эпоса необходимо исследовать его в сравнении с эпосом других народов, в частности алтайцев, тувинцев и якутов, установить и хронологически определить преемственность и последовательность в развитии культуры древних насельников Прибайкалья. В этом отношении предстоит еще большая работа.

Второе положение, которое вызывает возражение, — о предполагаемых предках современных бурят — так называемых лесных народах или племенах Прибайкалья конца I — начала II тысячелетия н. э. Речь идет о монголоязычных племенах хори, баргутах, булагачинах, кэрэмучинах, икирасах и др., которые упоминаются в таких исторических сочинениях, как «Сборник летописей» Рашид-ад-дина и «Сокровенное сказание», написанных в XIII и начале XIV в. Названные племена, по мнению Уланова, — создатели и носители героического эпоса бурят (стр. 42, 62). Он характеризует эти племена как типичных охотников, рыболовов и собирателей, а не скотоводов-кочевников.

² См.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв., М.—Л., 1946; Л. Н. Гумилев, Хунну, М., 1960, и др.

³ «Сов. этнография», 1963, № 5, стр. 171.

⁴ Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, М., 1963, стр. 256.

⁵ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, М., 1953, стр. 32.

В принципе мы не против того, что хори, баргуты, булагачины, икирасы и другие являются творцами бурятских улигеров; возражение вызывает буквальное понимание автором термина «лесные» и, в связи с этим, принижение уровня хозяйства и культуры «лесных» племен. В свое время С. А. Козин возражал против такого понимания термина «лесные» народы⁶.

Рашид-ад-дин пишет, что «племена кори, баргут, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области (т. е. Кэм-Кэмжиут — Верховье Енисея.— Т. М.). В этих областях много городов и поселений и кочевники многочисленны»⁷ и далее (кстати, это место приводится в работе Уланова на стр. 41), что в Баргуджин-Токуме (вероятно, в нынешнем Прибайкалье) население употребляло вино, кумыс, молоко, имело лошадей, скот, шатры и пр.⁸.

Данные письменных источников о скотоводческом направлении хозяйства древних монголоязычных племен Прибайкалья, об их высокой культуре подтверждаются многочисленными археологическими памятниками, обнаруженными советскими учеными⁹.

Однако мы не отрицаем тот факт, что наряду с группами, находившимися на сравнительно высокой ступени развития, в Прибайкалье существовали племена примитивных охотников и рыболовов. Их представления могли в какой-то мере повлиять на характер эпоса. Но в целом, по нашему мнению, создатели бурятских улигеров — баргуты, хори и другие — не были охотниками и рыболовами, стоявшими на уровне матриархата и перехода к патриархату; они были, по всем данным, кочевниками-скотоводами, переживавшими интенсивный процесс социальной дифференциации и образования временных племенных союзов.

Одной из основных глав в рецензируемой работе является третья, в которой речь идет о характере отражения в улигерах древних представлений бурят. Она претендует на философское толкование ряда исторических явлений. Не касаясь некоторой противоречивости в суждениях автора о ранних формах религии, о мифологии, рассмотрим одну из важных его теоретических установок.

Им выдвигается теория, согласно которой сознание в древности характеризуется универсальным оборотничеством и в этом сознании нет ничего рационального. Уланов заявляет: «ни оборотничество, ни фетишизм, ни анимизм сами по себе не являются религиозными, они выражают взгляды людей на определенных ступенях развития их общественной жизни» (стр. 175, см. также стр. 140, 176).

Что же тогда является религиозным, если не представления тотемические, магические и анимистические? Марксистская наука давно доказала, что тотемизм, магия, фетишизм и анимизм суть ранние формы религиозных представлений, в которых фантастически, извращенно отражены господствовавшие над людьми природные и социальные силы. Слепая вера в сверхъестественные свойства и отношения естественных вещей составляет основной признак религиозного сознания на всех ступенях его формирования и последующего исторического развития. Чудесные превращения людей, животных и вещей, колдовские приемы уничтожения злых сил, оживления людей, вызывания атмосферных явлений, поклонения животным предкам, душам умерших людей и т. д. и т. п., так часто встречаемые в эпосе, являются не просто ложным способом объяснения мира, ложным мировоззрением, но и системой ложных приемов воздействия на мир. Все это в совокупности и есть религия.

Таковы некоторые замечания к этому, повторяем, ценному и интересному исследованию А. И. Уланова.

Т. Михайлов

⁶ С. А. Козин, Джангарнада, М.—Л., 1940, стр. 13—14 (введение).

⁷ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 150.

⁸ Там же, стр. 157.

⁹ См.: А. П. Окладников, Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье, в сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1958; Г. Ф. Дебец, Могильник железного периода у с. Зарубино, «Бурятноеведение», вып. 2, Верхнеудинск, 1926; П. П. Хороших, Наскальные рисунки на горе Манхай II, «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XXXVI, 1951, и др.